

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.04
УДК 332:008(571.1/5)
ББК Ф2(2Р5)

Ю.А. ЗУЛЯР

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАРЕГИОНА СИБИРЬ

Завершение XX века – века политических идеологий поставило перед политиками и обществоведами вопрос о том, каким в данном контексте будет век текущий. Прошедшие 20 лет позволяют высказать некоторые предположения о политической природе XXI столетия. Мировые политические идеологии отошли на вторые роли, на смену им возвращаются национальные, этнические, региональные и религиозные идентичности. С точки зрения политологического анализа эти элементы в совокупности с политическими идеологиями выступают сегодня в качестве феномена политической культуры.

Ключевые слова: колониальный синдром, сепаратизм, оппозиционность, регионализм, ментальность, студенчество, сибирское областничество.

YU.A. ZULYAR

SOME ASPECTS OF POLITICAL CULTURE A MODERN INHABITANT OF THE MEGAREGION SIBERIA

The end of the twentieth century, the century of political ideologies, raised the question for politicians and social scientists about what the current century will be in this context. The past 20 years allow us to make some assumptions about the political nature of the XXI century. World political ideologies have receded into the background, national, ethnic, regional and religious identities are returning to replace them. From the point of view of political analysis, these elements, together with political ideologies, act today as a phenomenon of political culture.

Keywords: colonial syndrome, separatism, oppositionalism, regionalism, mentality, students, Siberian regionalism.

Прошедшее тридцатилетие после развала СССР означает среди всего прочего и уход самого «советского» поколения из жизни России, и приход ему на смену другого возможно самого «антисоветского» поколения. Что их отличает друг от друга? Прежде всего – политическая культура. Именно она является матрицей, на которой сохраняется и трансформируется государственность. Обладая высокой степенью инерционности, политическая культура наследуется или отвергается приходящими поколениями, но в любом случае именно она определяет политические ориентации и поведение общества [1, с. 192]. И в значительной мере определяет формат и уровень эффективности политической системы страны. Смена поколений влечет за собой изменение спектра политических предпочтений граждан и правящего класса. Поэтому исследование основных параметров современной российской политической культуры, и организация ее эффективного мониторинга являются важной задачей для научного сообщества.

Российская политическая культура не является однородной, ее значимым элементом являются региональные культуры, одной из наиболее заметных является сибирская. Анализу некоторых ее аспектов посвящена данная работа.

Сибирь рассматривается автором, как территория от Уральских гор до Дальнего Востока, а более конкретно до водораздельных хребтов, идущих вдоль Тихого океана. Последующее многократное уменьшение отнесенной к ней территории, осуществленное в советский и постсоветский период из политических и экономических соображений, не имеют особого значения в контексте рассмотрения данной проблематики. В терминологическом смысле он определяет его как мегарегион. Используя географическую терминологию речь идет об Азиатской России. Ее площадь составляет около 13,1 млн км², или около 77 % территории современной России. По состоянию на 1 января 2021 г. на территории Уральского (УрФО), Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов проживало 37 457 480 человек, то есть около 25,6 % от общего населения РФ.

Геополитическая сила России западными исследователями сопрягается именно с Сибирью, а не с европейской или уральской частью России. При расчете доли добычи полезных ископаемых в РФ на мегарегион приходится 51,19 %, добычи газа – 92,95 %, угля – 94,42 %, нефти – 72,50 % [2, с. 127].

Рассматриваемый такой трудно просчитываемый феномен как политическая культура, важно определить не только с рассматриваемой

территорией, но и с ее статусом. В отечественной научной литературе активно применяется термин «макрорегион». Чаще всего его используют экономисты и географы, для описания и характеристики социально-экономических и экономгеографических феноменов, при рассмотрении народнохозяйственных коммуникаций субъектов РФ, имеющих общие границы или находящиеся в непосредственной близости друг от друга.

В русле данной парадигмы практически игнорируются исторические цивилизационные, ментальные, культурные, идеологические и геополитические связи и структуры, что принципиально важно учитывать при рассмотрении заявленной проблематики. Данные параметры в большей степени учитывает мегарегиональный подход. По мнению В.И. Супруна, мегарегион – это конкретная совокупность хозяйственно и культурно родственных территорий, характеризующихся высоким уровнем экономической схожести и однотипности, социальной и ментальной близостью и сходными позициями по отношению к центру и геополитическим ситуациям [2, с. 129]. Это исторически сформировавшаяся общность людей, воспринимающих на базе региональной идентичности наличие общих социально-экономических интересов, имеющих конкретно исторический и перспективный характер [3, с. 234].

Исходя из принципов цивилизационного подхода, Сибирь необходимо рассматривать одновременно и как локальную цивилизацию, и как часть российского цивилизационного процесса [4, с. 3]. Сибирский совокупный социум имеет многовековую историю, а с учетом коренных этносов и смешанных браков, более чем тысячелетнюю. Задолго до появления в мегарегионе русских казаков, переселенцев и государственных чиновников, здесь возник и взаимодействовал не один десяток государств и государственных объединений, оказавших серьезное воздействие на многие государства Азии и Европы.

Вместе с тем, нет оснований рассматривать Сибирь в совокупности с современным Дальним Востоком, как некое государственно территориальное образование. Как единое образование она существует лишь в историко-географическом понимании и в ментальном ее жителей. Совокупная «Сибиря», в контексте современной глобальной ситуации и при реальном отсутствии эффективных экономических горизонтальными связями между ее регионами, способна существовать только как мегарегион под протекторатом России. Иначе она неизбежно окажется в орбите ряда могущественных мировых экономических и военно-политических субъектов, и будет «разорвана» между ними, навсегда потеряв свою целостный статус и сибирскую идентичность [5, с. 146].

Рассматриваемая в данной работе проблематика находится в русле регионализма, который, несмотря на господство глобализационных процессов, а может быть, благодаря именно им, становится все более

популярной в научных, политических кругах и среди общественности. Проблемы регионализма находятся сегодня в центре внимания во многих странах. Еще в 1998 г. Европарламент, учитывая их остроту, принял «Хартию регионализма», согласно которой регион понимается как гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и единую историческую судьбу [6, с. 131].

Политическая культура – явление конкретно-историческое. Процесс формулировки концепта политической культуры достаточно сложен и меняется со временем во всех национальных политологических сообществах. Вместе с тем общепризнано, что ее основу составляет политическое мировоззрение и политическое поведение индивида.

Политическое мировоззрение представляет собой символическую систему, включающую политические традиции, политические нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего. Политическая культура сводит воедино три времени: прошлое, зафиксированное в политических традициях; настоящее, отражаемое в установках и нормах поведения людей, обусловленных политической реальностью; будущее, совмещающее вероятное, желаемое и должное. Нельзя не согласиться с А.С. Панариным, утверждавшим, что современные политические культуры, в отличие от политкультур прошлого, характеризуются приматом будущего над прошлым, проекта – над традицией [7, с. 327].

В связи с распространением в политической науке цивилизационной парадигмы, возрос интерес к феномену политической культуры. Однако внимание к ней у политологов появилось значительно раньше еще в рамках либеральной парадигмы. Причиной этого стало осознание неэффективности функционирования либеральных демократических институтов в странах неевропейской культуры. Но понимание этого феномена в европейской науке возникло значительно раньше, в процессе объединения германских княжеств в единое государство. В научный оборот термин «политическая культура» был введен немецким мыслителем и богословом, историком культуры И.Г. Гердером, исследовавшим зависимость политики от культуры [8, с. 349]. Непосредственно в политологическую науку понятие этого института вошло благодаря американским политологам Х. Файнеру и его работе «Системы правления великих европейских государств» (1956), а также Г. Алмонду и С. Вербе и их совместной работе «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций» (1963).

Исходя из того, что крупные современные государства объединяют в себе национальные и территориальные социумы, а также благодаря созданию концепций старого и нового регионализма, возник интерес к региональным политическим культурам. Причиной развития этого на-

правления политологической мысли стал комплекс международно-значимых явлений, и прежде всего, развитие процессов европейской региональной интеграции, развал СССР, распад Вестфальской системы и начавшийся переход от биполярной к многополярной системе международных отношений. Особенно остро эта проблематика встала для Российской Федерации в 1990-е гг. в связи с «парадом суверенитетов».

Независимо от этих явлений, проблематика региональной политической культуры, обусловленная развитием мирового политического процесса, стала актуальной для Сибири еще в пореформенное время на рубеже XIX-XX вв. Здесь возникла концепция «сибирского областничества» сформулированная в работах А.П. Шапова, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что ее сущностью является наличие сибирского регионального социально-политического интереса, который должна учитывать имперская власть. Российская власть серьезно отнеслась к угрозе сибирского сепаратизма, и весь последующий период ведет с ним непримиримую борьбу. Вопрос независимости, автономии или создание органов регионального управления поднимался в 1918 г., в середине 1920-х гг., в конце 1950-х гг. и в 1990-х гг. Поэтому вопрос о политической культуре сибиряков не является надуманным и неактуальным.

Политическая культура современных сибиряков, являющихся россиянами, является региональной разновидностью российской политической культуры. Однако проблемой последней является то, что она сейчас представляет собой конгломерат различных концепций, взглядов, подходов и идей. Здесь элементы имперской и советской ментальности, западнической и либеральной идеологии, этнических и религиозных представлений и классовых представлений составили уникальный мировоззренческий конгломерат. В нем очень сложно найти общее основание кроме патриотизма и региональной идентичности. Именно эти две позиции и лежат в основе политической культуры сибиряков.

Феномен региональной культуры является общепризнанным явлением, и везде отношение к нему руководства страны определяется его политической позицией. В течение советского периода действовали двойные стандарты по отношению к культурным традициям союзных и автономных республик и областей. В них национальная культура развивалась, но на русских территориях в составе РСФСР региональная идентичность была вне закона [6, с. 132]. Региональная идентичность – один из наиболее востребованных по количеству мобилизационных проектов. Использование региональной идентичности является эффективной технологией политического управления. В настоящее время региональная и общероссийская идентичность занимают приблизительно равные доли в сознании россиян.

Процесс формирования региональной идентичности представляет собой конструирование имиджа и образа региона политическими и интеллектуальными элитами [9, с. 57, 61]. По данным Р.Ф. Туровского, «региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример – Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации [10, с. 95]. Н.Д. Козлов в 2008 г. выделил на карте электорального ландшафта 1) Московию; 2) Русский Север и Урал; 3) Европейский Юг и Юг Западной Сибири; 4) Кавказ; 5) Сибирский Север; 6) Средняя Сибирь и Юг Восточной Сибири; 7) Дальний Восток [11, с. 10].

К сибирякам относят всех проживающих в ней людей, но в ментальном смысле это не так. Это собирательный термин, возникший как топоним, обозначающий жителей и уроженцев Сибири, считающих ее своей малой или большой Родиной. В свою очередь среди сибиряков автор выделяет коренные малочисленные народы, проживающие на данной территории, этнических русских, преимущественно представленных потомками староверов, сосланных или переехавших сюда по собственной воле, и подавляющее число ее жителей, являющихся потомками смешанных браков представителей разных рас и этносов. Так же к топониму сибиряк относятся и жители Сибири, в первом поколении, являющиеся детьми из моноэтнических семей, недавно приехавших в мегарегион из бывших советских республик и Кавказа. Вместе с тем на территории Сибири находится большое количество людей, приехавших сюда ради заработка. Для небольшого числа этих людей Сибирь станет второй Родиной, остальные временщики. Они сразу заметны среди сибиряков, хотя зачастую затруднительно объяснить, что их выдает.

Политическая культура – это небольшая, хотя и очень важная, часть культуры народа вообще. А культура социума начинается с языка. «Этимологический словарь русских диалектов Сибири», изданный в 2000 г. Сибирским отделением РАН, насчитывает больше 4 000 специфических сибирских слов, нигде больше за пределами Сибири не употребляемых. Эти слова считаются заимствованными в русские говоры Сибири из алтайских, уральских и палеоазиатских языков [12].

Попытки измерить идентичность не особенно продуктивны, ибо в ее основе лежит субъективное позиционирование индивида в социуме. Человек, называющий себя сибиряком, скорее всего назовет себя и русским, бурятом и якутом. И это вопрос не этнического, а территориального самосознания. И факт, что сибиряки – это субэтнос русских, никем в науке не оспаривается. Опросы 2010 г., а тогда эта проблема обсуждалась особенно активно, показал разные цифры, но общую тенденцию. В частности, опрошенные жители 43 населенных пунктов Новосибирска

ской, Омской и Томской областей, определились следующим образом, за единство всех русских и целостность русского народа, высказалось 23,8 % респондентов, за различность 41,7 % и 34,5 % не смогли определиться [13]. На вопрос «Есть ли разница между русскими Европейской России и русскими Сибири?» около 83% респондентов отвечают утвердительно. Различия фиксируются, прежде всего, в самосознании, менталитете, чертах характера и образе жизни [14], а не на фенотипе или генотипе. Самоназвание и региональное позиционирование создают основания для формирования групповой идентичности. Она, в свою очередь объединяет и сплавливает сибиряков и конструирует сибирскую региональную и цивилизационную ментальность [15, с. 341].

В данном случае принципиально, что жители мегарегиона и в языке, и в идентичности воспринимают себя и частью целого и одновременно чем-то отдельным или особым. Это и позволяет выделять культуру сибиряков и политическую в частности, как реально существующий феномен, нуждающийся в исследовании.

Принципиальным, в контексте рассматриваемой научной проблемы, является отношение сибиряков к России как стране, государству, политическому институту и т.п. Так, 69 % жителей Красноярского края в той или иной мере гордятся, что они россияне, а почти четверть опрошенных (23 %) не испытывают гордости по этому поводу [16, с. 96]. На вопрос: какие ассоциации, возникают у них, когда они слышат фразу «Российское государство», 31 % сибиряков ответили «Власть» – сила, управление, защита, наказание [17, с. 296]. По данным исследования 2011 г., 81 % жителей Красноярского края, в случае войны, стали бы воевать за свою страну (17 % – нет и 2 % отказались отвечать) [16, с. 96].

Социология свидетельствует, что в отличие от жителей центральных районов страны и сибиряки в гораздо меньшей степени являются сторонниками авторитаризма. Население, чем дальше, тем больше начинает осознать, что сильная, но удаленная централизованная власть не способна решить местные проблемы [11, с. 20].

Во всех поколениях сибирской молодежи преобладает позиция восприятия государственного аппарата как бюрократической машины, источника и причины коррупции и беззакония. Количество молодых людей, любящих Родину, но ненавидящих государство, возрастает от поколения к поколению, и сегодня так считают уже 28 % респондентов [18, с. 54]. Треть студентов-сибиряков оценили степень своего доверия к различным органам власти на «удовлетворительно», примерно столько же на «неудовлетворительно». Положительная оценка колеблется в пределах между 17,8 % к законодательным органам и МСУ и 27,3 % – к правоохранительным органам. Игнорирование молодыми людьми выборов в представительные органы и – глав регионов, является результатом

низкой оценки органов власти. Вместе с тем, устойчивым является доверие молодежи президенту В.В. Путину, возможно, это объясняет декларируемое ими 59,0 % желание участвовать в выборах органов власти [19, с. 28; 20, с. 98].

Вместе с тем, сибиряки в массе своей не ставят под сомнение свою зависимость от России. Политическая культура горожан характеризуется сочетанием нигилизма с меркантилизмом и расчетом на патерналистскую поддержку со стороны государства. Люди не верят в возможность достижения успеха без государственной помощи [11, с. 23]. Поэтому при опросах населения сибиряки старшего и среднего возраста противопоставляют патернализм советского государства, единый для всей страны, и нынешние двойные стандарты пользу столиц [21].

Стержнем политической культуры современных сибиряков является колониальный синдром. Они не видят светлого будущего региона и перспектив для себя [14]. А.В. Ремнев утверждает, что сибирские обществоведы предпочитают оперировать термином внутренний колониализм [22, с. 111].

В сознании жителей мегарегиона социально-экономическое и политическое пространство России строится на противопоставлении «Москва vs. Сибирь» или «Центр vs. регионы». Этим же противопоставлением, по их мнению, обусловлены проблемы сибирского региона. В результате возникает протестная форма самоидентификации «сибиряк», основанная на осознании «колониального» положения Сибири [21].

Сырьевая специализация, характерная сибирским субъектам РФ, являющаяся господствующей тенденцией и на отдаленную перспективу, лишает сибиряков оптимизма. Отсутствие у руководства страны и национального бизнеса планов над созданием в Сибири наукоемких и высокотехнологичных производств, укрепляет у сибиряков уверенность в сохранении за мегарегионом функции колониального придатка страны [16, с. 33].

Так, известный томский историк В.П. Зиновьев, так охарактеризовал свое самосознание: «Думаю, что многие жители нашего суперрегиона, как и я, чувствуют себя, прежде всего, сибиряком, затем только россиянином, а после этого – европейцем или азиатом в зависимости от национальности. Но сибиряки чувствуют себя и еще жителями дискриминируемой окраины в отношении с Москвой» [23, с. 123].

Уровень жизни сибиряков значительно ниже, чем у жителей столицы. Так, на одного ее жителя в год тратилось из бюджета в 2010–2012 гг. 147 023 р., а в Новосибирске, одном из самых развитых городов – 34 311 р. [24, с. 17]. Фактически все население Якутии, за исключением работников промышленных предприятий, в 2011 г. находилось на грани выживания [25, с. 34]. В Алтайском крае количество самоубийств в 2006 г. составляло 101 на

100 тыс. чел. (в среднем – по России 36,1, в развитых странах мира – 15) [26]. Сибиряки ощущают себя менее защищенными: от преступности 11 % в Красноярском крае, 15 % в Республике Хакасия и 19 % – Россия в целом; от бедности –18, 18 и 22 %, соответственно; от экологической угрозы –18, 16 и 19 %; от произвола правоохранительных органов –18, 20 и 29 % [16, с. 32].

Отсюда и вытекают и требования к Центру: создавать новые рабочие места 56 % Красноярском крае, 54 % – Республике Хакасия, а по России в целом – 44 %; навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией – 36, 32 и 32 % соответственно; развивать малый и средний бизнес – 24, 33 и 14 %; усилить государственный контроль за экономикой – 27, 26 и 19 % [16, с. 29].

По данным ВЦИОМ около 40 % жителей мегарегиона рассматривают возможность покинуть его. В качестве причин чаще всего называют низкий уровень зарплат (44 %), отсутствие карьерных перспектив (36 %) и невозможности купить жилье (28 %) [27].

Анализ ситуации в Кемеровской области накануне пандемии так же свидетельствовал, что уезжает самая активная часть населения – в возрасте от двадцати до тридцати лет. Преимущественно отъезжают в столицы, их окрестности и в теплые регионы. В числе причин отъезда фигурируют низкие доходы при высоких расходах, холодный климат, плохая экология, низкое качество высшего образования, отсутствие интересных специализаций в вузах и перспективной, позволяющей самореализоваться работы, неразвитость инфраструктуры досуга. Но, и оставшись после вуза у себя в регионе, многие сибиряки, набравшись опыта, все равно уезжают, создавая целые землячества в популярных центрах [28].

Сибирякам присущи свойства и качества политической культуры россиян. Но, есть и свои принципиальные особенности. Например, сепаратизм. Являются ли сибиряки сепаратистами? Безусловно, люди с такой позицией в мегарегионе присутствуют. Чаще всего это представители творческой интеллигенции и представители малочисленных коренных народов. Результаты социологических исследований, проведенных в 1990-х гг. в Красноярском крае, свидетельствуют о существовании скрытого потенциала сибирского регионально-территориального сепаратизма [29, с. 24].

По мнению Д.И. Щербинина, опирающегося на свои исследования 2000 гг., сибирский сепаратизм существовал. Как политической идеологии оппозиционной государственному мейнстриму, ему были свойственны латентный характер и агрессивность. Состояние тихого брожения могло быстро перейти в иное агрегатное состояние и вызвать массовые акции населения городов. Фиксировались различные формы его проявления и неодинаковое распространение на территории мегарегиона [30, с. 9].

Вместе с тем, страх и предчувствие сибирского сепаратизма появились ась в Санкт-Петербурге раньше, чем в Сибири возникло автономистские и сепаратистское движение и его идеология – сибирское областничество [31, с. 11]. Слишком впечатляющим и заразительным был пример Североамериканских колоний Великобритании. И, немногим более века назад к этому была предпринята реальная попытка. Летом 1918 г. в Томске было создано Временное сибирское правительство, которое приняло «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири» [32, с. 7].

К этой идее сибирская общественность вернулась на рубеже советского и постсоветского периода. В частности, активистами Партии Сибирской независимости был разработан план-сценарий отделения Сибири от России к 1995 г. и проект создания независимого Сибирского государства. Однако идеи партии не встретили поддержки у сибиряков, и в 1993 г. она заявила о самороспуске [33, с. 69]. Во второй половине 1990-х гг. была создана политическая партия, действовавшая в Новосибирской, Омской, Томской и Кемеровской областях. Учредители межрегиональной «Сибирской партии», зарегистрированной в Новосибирске в августе 1997 г., указали в ее уставе в качестве важнейшей цели обеспечение права граждан быть хозяевами на своей земле и деятельность по превращению Сибири из сырьевого придатка в регион устойчивого, динамичного развития с гарантированными ростом жизненного уровня ее жителей [34, с. 200]. В ходе проведения всероссийской переписи населения 2010 г. блогеры-регионалисты призвали жителей Сибири указывать национальность «сибиряк». На это Росстат отреагировал резким заявлением, что «такую национальность регистрировать не будут» [35, с. 24].

Конечно, это только игры в сепаратизм, нельзя не согласиться с мнением А.В. Сушко. О том, что для развития сепаратизма необходимо существование этнической или гражданской сибирской идентичности с перспективой создания на ее основе политической нации [34, с. 203]. Процессы, происходящие в настоящее время в Сибири, способствуют размыванию сибирской идентичности. Это обусловлено снижением уровня рождаемости ее славянского населения на фоне традиционно высокой – у немногочисленных народов мегарегиона. Ситуацию усугубляет массовый отток славянской молодежи. Все это происходит на фоне приезда сюда на постоянное место жительства представителей среднеазиатских и кавказских этносов, являющихся носителями совершенно иных этничностей.

На взгляд автора, более правильно определять сибиряков как конструктивных оппозиционеров. Причем это состояние, в самом деле, является обидой на Центр, на руководство страны за недостаточное, по их мнению, понимание и внимание к положению людей в этом регионе. По-

нимание, что модернизация страны зачастую осуществляется без учета интересов населения сибирских регионов, не могло не повлиять на рост их протестного потенциала.

Процент жителей, не удовлетворенных своей жизнью в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2010 г. составил 49 и 55 % соответственно (в РФ – 59 %) [16, с. 29]. В Новосибирск административной столице Сибири, весьма популярен лозунг «Хватит кормить Москву!», его повторяют все: от таксистов до чиновников городской администрации [24, с. 15].

В массовом сознании жителей большой Сибири прочно укоренена позиция – «ведь Сибирь такая богатая, а почему же сибиряки – бедные». Это несправедливо, а значит налицо злой умысел, следовательно, должны быть виноватые. Вероятно, в этом виноват кто-то, находящийся за пределами региона, кто-то чужой, и очевидно, что это Центр.

Целесообразно упомянуть сибирский регионализм. Он, в виде «сибирского автономизма», сформировался в мегарегионе во второй половине XIX в. Его основателей именовали сибирскими областниками, но уже с момента зарождения этого течения, его лидеры не были единодушны. Если А.П. Щапов видел Сибирь как часть России, то для областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина она представлялась самостоятельным целым, что вело их к сепаратизму [15, с. 45]. Сегодня идеи регионализма активно поддерживаются в академической и вузовской среде мегарегиона, чему способствует регулярное взаимодействие преподавателей со своими зарубежными коллегами [36, с. 87]. Регионализм как важный элемент современной сибирской культуры неразрывно связан с политической идеологией постмодерна, в которой социокультурное пространство, воспринимаясь как реальность, одновременно существует как совокупность ощущений и предпочтений, формирующихся в виртуальной среде, благодаря чему беспрепятственно ментально трансформируется в соответствии с конкретно исторической ситуацией.

Известно, что лучшим объединителем людей являются общая беда и общая судьба, именно они наряду с этническими и конфессиональными факторами формируют идентичность. В вопросе о своем эмоциональном отношении к региону, большинство респондентов-сибиряков выбрали вариант ответа «в целом я доволен, но многое не устраивает» – соответственно 46 % и 40 %. В целом по России подобные ответы дали 41 % опрошенных. Но только каждый четвертый из опрошенных жителей Красноярского края и каждый третий из жителей Хакасии ответил: «Я рад, что живу здесь», в то время как аналогичным образом ответили 41 % респондентов из числа населения России в целом [16, с. 19].

Вместе с тем, по данным ВЦИОМ, каждый второй житель мегарегиона – за объединение Сибири и Дальнего Востока в одно образование. Среди студентов сторонников подобного сценария 61 %. Для повы-

шения эффективности развития мега - необходим специальный орган управления (69 %) [27].

Краткий анализ политической культуры современных сибиряков в значительной степени демонстрирует ее региональную и этническую мозаичность и ее реактивный характер. О ней вспоминают ситуативно, а реализуется она по мере надобности. Представляется, что для ее реального появления, и прежде всего в политическом смысле этого феномена не хватает идеологического центра, обладающего всесибирской информационной сетью и интересантов в лице бизнеса. Сама по себе „территория“ – ничто, лишь человеческая вера и страсть и интеллект придают ей смысл [37, с. 326].

Большая Сибирь, несмотря на деятельность царского правительства и тогдашнего бизнеса, активные преобразовательские усилия советского государства, тридцатилетнюю анархическую модернизацию, так и не потеряла своей социально-экономической и ментальной особенности. Сибирское общество не стало обществом модерна, а тем более постмодерна, более того процессы деиндустриализации, прекращение направления сюда специалистов и выпускников вузов европейской части страны, массовый отток молодежи и дееспособного населения, сокращение и старение населения, ренессанс религиозной идентичности и прибытие в мегарегион представителей традиционных культур из Средней Азии и Кавказа, запустили в нем процессы архаизации. Современное сибирское общество можно определить как конгломеративное, которому присуще многовековое совместное пребывание и постоянное воспроизводство традиционных и современных социальных структур и существующих между ними коммуникации. В нем, благодаря огромной территории и слабо развитой системе коммуникаций соседствуют и бесконфликтно взаимодействуют современные глобализированные сообщества мегаполисов и разнообразные традиционные общества коренных сибирских народов, развиваются процессы деурбанизации, и социальной нормой и единственным способом выживания русских сельских поселений становится браконьерство и незаконные рубки леса. Культура сибиряков и ее политическая компонента эволюционирует в сторону локальности, автономности и традиционализма.

Таким образом, анализ политической культуры сибиряков показывает ее наличие, и то что она представляет собой региональную разновидность российской политической культуры. Сегодня она не является политическим мейнстримом, скорее это потенциальная вероятность. Но, она есть и глубоко укоренена среди населения Азиатской России, поэтому в случае ее игнорирования, при возникновении серьезного внутригосударственного кризиса, она может стать эффективной идеологией сибирского регионального сепаратизма.

Список использованной литературы и источников

1. Зуляр Ю.А. Политология: Базовый курс. в 2 т. / Ю.А. Зуляр. – Т. 2. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2010. – 780 с.
2. Супрун В.И. Сибирь как мегарегион: концепция и реальность / В.И. Супрун // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 1 (27), т. 1. – С. 124-134.
3. Лапин Н.И. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – Москва : Academia, 2009. – 808 с.
4. Тимошенко А.И. Роль Сибири в российских цивилизационных процессах / А.И. Тимошенко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 3-7.
5. Донских О.А. Становление мегарегиона Сибирь: социокультурный и геополитический контекст / О.А. Донских // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 1 (27), т. 1. – С. 135-150.
6. Исмагилов Н.Н. Проблема региональной идентичности в российском социокультурном пространстве / Н.Н. Исмагилов // География и природные ресурсы. – 2009. – № 3. – С. 129-134.
7. Панарин А.С. Политология / А.С. Панарин. – 2-е изд. – Москва : ООО «ТК Велби», 2003. – 448 с.
8. Гердер Й.Г. Идеи к философии человечества / Й.Г. Гердер. – Москва : Наука, 1977. – 703 с.
9. Волкогонова О.Д. Политизация этничности в современной Украине (на примере русской диаспоры Крыма) / О.Д. Волкогонова, А.Ю. Полунов // Россия и современный мир. – 2008. – № 2. – С. 49-62.
10. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России / Р.Ф. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей. – Москва : Гендальф, 1999. – С. 87–136.
11. Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными / Н.Д. Козлов // Полис. – 2008. – № 4. – С. 8-26.
12. Чем сибиряки отличаются от русских // Яндекс Дзен. – 12.07.2019. – URL: https://zen.yandex.ru/media/russian7/chem-sibiriaci-otlichaiutsia-ot-russkih-5d2765b4bc228f00a_d3ab631 (дата обращения: 21.01.2022)
13. Сибиряки – субэтнос русских // Живой журнал. – 06.11.2010. – URL: https://real-siberian.livejournal.com/565638.html?noscroll&utm_medium=endless_scroll#comments (дата обращения: 24.01.2022)
14. Лазаренко И. Сибирь и сибиряки / И. Лазаренко // Национал-демократия в России. – URL: <https://ru-nazdem.livejournal.com/1384828.html#cutid1>.
15. Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа / А.Э. Зайнутдинов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 6. – С. 335-343.
16. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.). – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 222 с.
17. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири / О.А. Полюшкевич // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 293-300.
18. Лисаускене М.В. Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения «поколения Z» (опыт исследований молодежи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.) / М.В. Лисаускене // Siberian socium. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 46-60.

19. Кох И.А. Политическая культура студенческой молодежи / И.А. Кох, Т.С. Бирюкова, А.С. Скутин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6, № 2 (22). – С. 18-36.
20. Зуляр Р.Ю. Высшая школа как инструмент политической социализации современного студенчества / Р.Ю. Зуляр. – Иркутск : Изд-во «Иркутский государственный университет», 2014. – 113 с.
21. Анисимова А. Сибирская идентичность как форма политического высказывания / А. Анисимова, О. Ечевская // Сибирская заимка. – URL: <https://zaimka.ru/anisimova-echevskaya-siberian/>.
22. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века / А.В. Ремнев // Полития. – 2011. – № 3 (62). – С. 109–128.
23. Зиновьев В.П. Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе / В.П. Зиновьев // Российская государственность: исторические перспективы и современность : материалы Всероссийской научной конференции к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. – Кемерово, 2012. – С. 120–123.
24. Герасименко О. Как колонией была, так и останется / О. Герасименко // Коммерсантъ-Власть. – 2012. – № 15.
25. Башалханов И.А. Социальные проблемы жизнедеятельности населения Восточной Сибири (на примере Бурятии и Саха (Якутия)) / И.А. Башалханов, Л.Б. Башалханова, В.Н. Веселова, Л.М. Корытный // Социс. – 2011. – № 2. – С. 32–39.
26. Ореховский П. Либеральная империя глазами сибиряка (Алтай и Москва) / П. Ореховский // Бабр. Восточный регион. – URL: // Babr24.com <https://www.babr24.com/msk/?IDE=33324>.
27. Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» - или «локомотив развития»? // ВЦИОМ. Новости. – 21.06.2012. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sibir-i-dalnij-vostok-zabytyj-kraj-ili-lokomotiv-razvitiya> (дата обращения: 17.01.2022)
28. Потапова Ю. Здесь климат иной... Почему молодежь и мобильные люди активного возраста уезжают из Сибири / Ю. Потапова // Российская газета. – 2020. – 27 февр.
29. Немировский В.Г. Сибирь на пути к сепаратизму? / В.Г. Немировский, С.И. Григорьев, С.И. Пешков // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 20–26.
30. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях) / Д.И. Щербинин : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Барнаул, 2010. – 24 с.
31. Ремнев А.В. Призрак сепаратизма / А. В. Ремнев // Родина. – 2000. – № 5. – С. 10-17.
32. Шиловский М.В. Подвижник Сибири Г.Н. Потанин / М.В. Шиловский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 5–14.
33. Новиков С.В. Сибирские мотивы в политических «играх» и социально-экономических концепциях переходного периода (1990–1996 годов) / С.В. Новиков // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учрежде-

нии образования Омской области: опыт и проблемы. – Омск : ООИПКРО, 1998. – Ч. I. – С. 67-71.

34. Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма / А.В. Сушко // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 192–206.

35. Ореховский П. Взгляд на общество. Москва и сибиряки / П. Ореховский // Бизнес-курс. – 2010. – № 40 (367).

36. Очерки истории Иркутского государственного университета / И.В. Олейников, С.И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2012. – 144 с.

37. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. / Й. Баберовски // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 307-352.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Yu. A. Zulyar – doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of political science, history and regional studies, faculty of hHistory, Irkutsk state University, 664003, Irkutsk, UL. K. Marx, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.